

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Сверный Вѣстникъ“ и „Вѣстникъ Европы“,
мартъ.

Въ мартовской книжкѣ „Свернаго Вѣстника“ есть новинка именно довольно обширный этюдъ А. Чехова „Степь“, посвященный описанію пейзажи по степи. Путевыя наблюденія и замѣтки А. Чехова носятъ отрывочный, эпизодическій характеръ; вышнее разнообразіе идетъ въ ущербъ внутреннему единству разсказа. Въ нѣкоторой художественности этюду отказать нельзя; широкая панорама степной жизни раскрывается передъ глазами читателя въ бѣглыхъ, но живыхъ очертаніяхъ. Слабую сторону этюда составляютъ длинныя и утомительныя описанія степной природы, совершенно чуждыя той колоритности и блеска, которыя отличаютъ степныя картины Гоголя, и того душу захватывающаго лиризма, которымъ такъ богаты известныя „Степныя очерки“ Левитова, такъ сильно проникнутые поэтическимъ настроеніемъ автора, что самый слогъ ихъ становится музыкальнымъ.

Г. Чеховъ ведетъ читателя въ степную глушь, гдѣ люди живутъ непосредственно, стихійною жизнью, чуждою всякихъ либути высшихъ интересовъ, какой либо животворящей идеи. Дѣлается даже какъ-то обидно за этихъ безхитростныхъ обитателей степи, такъ напоминаютъ они подчасъ своєю непосредственностью и наивностью животныхъ, то мирныхъ и добрыхъ, то злыхъ и хищныхъ, но одинаково не поднимающихся надъ уровнемъ своего обыденнаго быта и своихъ личныхъ интересовъ и отношеній. Сравнительно интеллигентнымъ человекомъ является скромный сельскій батюшка, благодушный и кроткій о. Христофоръ, но и его умственный горизонтъ очень узокъ, а кругъ идей крайне ограниченъ. Когда-то въ семинаріи обращавшій на себя вниманіе рѣдкими способно-

стями, о. Христофоръ вынужденъ былъ, по семейнымъ обстоятельствомъ, прервать свое образованіе и уйти въ священники; онъ и теперь выдѣляется нѣсколько изъ строй массы деревенскихъ батюшекъ умнѣемъ цегольнуть при случаѣ латинскою фразой или философскимъ терминомъ, знакомымъ ему по семинарскимъ тетрадамъ, но тѣмъ и оканчивается его мнимая образованность. Оставивъ школьную сканью, о. Христофоръ прекратилъ всякія научныя занятія и только сохранившееся у него глубокое уваженіе къ наукѣ и ученію напоминаетъ о способномъ юношѣ, подававшемъ нѣкогда блестящія надежды.

Объ остальныхъ лицахъ, слегка очерченныхъ въ „Степи“, можно сказать и того менѣе. Мы видимъ тутъ деревенскаго кулака Кузьмичева, сухаго и жесткаго, занятаго исключительно своимъ „дѣломъ“, т.-е. сколачиваніемъ копейки. Въ Кузьмичевѣ, впрочемъ, авторъ отмѣчаетъ еще нѣкоторое добродушіе и, следовательно, нѣкоторую несостоятельность съ точки зрѣнія идеала цстаго „пріобрѣтателя“. За то степная акула Варламовъ, миллионеръ, вращающій всѣми окружающими, передъ которымъ пресмыкаются и независимые прямо отъ него въ матеріальномъ отношеніи люди, не подлечитъ и этому упреку. Онъ занятъ своимъ „дѣломъ“ всецѣло день и ночь; передъ „дѣломъ“ для него ступшевыается все остальное. Когда одинъ изъ гонцевъ Варламова затерялъ въ дорогѣ какую-то бумажку изъ записной книжки хозяина, Варламовъ выражаетъ свое негодованіе самымъ примитивнымъ образомъ — замахивается на провинившагося нагайкою, не давъ себѣ труда выслушать оправданіе.

Такъ какъ г. Чеховъ описываетъ степь южно-русскую, то разсказъ не могъ обойтись безъ евреевъ, заповнившихъ всѣ корчмы и постоянные дворы въ чертѣ осѣдлости. И нужно сказать, что введенныя г. Чеховымъ фигуры евреевъ вышли довольно удачны. Это два брата: Мойсей Мойсенчъ и Соломовъ. Мойсей Мойсенчъ, хозяинъ постоялаго двора, типъ льстиваго и юркаго корчмара-еврея, умбющаго подойти къ каждому почитателю, проинцательнаго, неутомимаго и искуснаго актера. Совершенную противоположность этому усовершенствованному

орудію наживы представляеть родной братъ его Соломонъ, съ виду ничтожный и жалкій еврейчикъ, состоящій на послугахъ у почитателей и брата, на самомъ же дѣлѣ личность далеко не заурядная. Соломонъ, по положенію батракъ, имѣеть смѣлость мыслить и чувствовать себя независимымъ человѣкомъ, и это придаетъ ему отъносокъ нѣкотораго нравственнаго величія, на ряду съ окружающими непосредственными и даже низменными натурами. Рѣдкій образецъ еврея изъ строи массы, сознательно не подчиняющагося духу наживы, Соломонъ проникнутъ жгучею ненавистью къ врагамъ своего племени. При столкновенияхъ съ людьми, на его устахъ постоянно блуждаетъ сложная, загадочная улыбка, съ явнымъ преобладаніемъ, однако, ядовитой насмѣшки и надменнаго презрѣнія. Въ разрывъ съ мягкой и вкрадчивою шутильностью, какую проявляетъ по отношенію къ гостямъ Мойсей Мойсеичъ, Соломонъ не трудится скрывать своихъ истинныхъ чувствъ, держа въ вѣчной тревогѣ своего брата, объявляющаго проважающимъ выходки Соломона тѣмъ, что онъ немного „тронуть“, чему и самъ вѣрить.

Вотъ какъ опредѣляетъ Соломонъ, въ разговорѣ съ о. Христофоромъ, свое отношеніе къ окружающему міру. „Я лакей у брата, братъ лакей у проважающихъ, проважающіе лакеи у Варламова, а если бы я имѣлъ десять милліоновъ, то Варламовъ былъ бы лакеемъ у меня. Варламовъ хоть и русскій, но въ душѣ онъ жидъ пархатый; вся жизнь у него въ деньгахъ и наживѣ, а я свои деньги снадилъ въ печку“. И эти слова не пустое хвастовство, на которое часто щедры евреи; Мойсей Мойсеичъ плачется, что Соломонъ сжегъ свою наследственную часть, шесть тысячъ, вмѣсто того, чтобы пустить ихъ въ оборотъ, или, по крайней мѣрѣ, отдать на „дѣло“ ему, Мойсею Мойсеичу. Поступокъ Соломона представляеть, дѣйствительно, нѣчто необычайное для еврея. Правда, извѣстно, что въ еврейской средѣ всегда существовали и существуютъ религиозные фанатики, отказывающіеся отъ мірской жизни, посвящающіе себя исключительно изученію писанія и живущіе скромными приношеніями вѣрующихъ почитателей; но, отказываясь отъ личнаго приобрѣтенія, по-

добные фанатики горой стоятъ за расширеніе матеріальнаго могущества Израиля. Уничтожая свои деньги, Соломонъ порываетъ съ старыми традиціями еврейства; но въ то-же время онъ не можетъ или не хочетъ примириться съ гонителями своего народа. И вотъ ему остается на долю печальная участь отщепенца, равно чуждаго и нашимъ, и вашимъ; оскорбленное чувство собственнаго человѣческаго достоинства, ненависть и презрѣніе,—вотъ все содержаніе его нравственнаго міра.

Вполнѣ естественно появленіе подобныхъ типовъ въ средѣ современнаго еврейства, переживающаго острый нравственный кризисъ, моментъ неустойчиваго духовнаго равновѣсія. И нельзя не пожалѣть отъ души этихъ жертвъ еврейской исторіи, отвѣчающихъ за грѣхи, не ими содѣянные; но нельзя и не порадоваться за еврей. Очевидно, наступаетъ и ихъ чередъ вступить въ общую семью цивилизованнаго человѣчества и слиться умственно и нравственно съ окружающими ихъ народностями.

Въ той-же книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“. Гл. Успенскій продолжаетъ свои „Живыя цифры“. Въ очеркѣ „Ноль цѣлыхъ!“ онъ повѣствуетъ читателямъ о своихъ безуспѣшныхъ поискахъ въ народной средѣ за подобною мнимой математическою величиною. Какого-бы несчастнаго и загнаннаго судьбою человѣка ни взять въ этой народной средѣ, оказывается, что это все же не ноль, а нѣкоторая дробь, что у него есть все-какія нравственныя связи съ окружающимъ, что онъ все-же мечтаетъ стать если не цѣлою величиною, то хоть болѣе крупною дробью.

Послѣ этихъ безплодныхъ поисковъ за мнимой математическою величиною въ народномъ быту, авторъ обращается къ культурному классу и старается вылить себѣ всю прелесть культурнаго существованія. Какъ идеальный образъ этого культурнаго существованія онъ разсматриваетъ жизнь графини Лиды, какъ она описана въ романѣ графини, помѣщенномъ въ книжкахъ „Недѣли“. Всею, что графиня говоритъ о себѣ, Гл. Успенскій даетъ, условно разумѣется, полную вѣру, и не перестаетъ восхищаться полнымъ и разнообразіемъ ея личнаго су- (...)

Веневиц.

<В.К.Сукманъ>